

Постпандемические эффекты для развития международной торговли

УДК 339.5(100)
ББК 65.428(0)
С-506

DOI: 10.24411/2072-8042-2021-2-7-20

Евгений Николаевич СМИРНОВ,
доктор экономических наук, профессор,
Государственный университет управления
(109542, Москва, Рязанский проспект, 99) -
заместитель заведующего кафедрой мировой эконо-
мики и международных экономических отношений;
E-mail: smirnov_en@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу последствий и эффектов пандемии на развитие современной международной торговли, причем основной акцент сделан на перспективах развития обмена в рамках глобальных цепочек создания стоимости, которые испытывают жесткую трансформацию в нынешних условиях. Оценены взаимосвязи между локализацией цепочек поставок и динамикой развития международного обмена. Сформулированы факторы управления рисками устойчивости международной торговли. Установлено, что рост внутреннего производства товаров приведет к сокращению международной торговли, которая могла бы, как и ранее, служить мощной детерминантой экономического роста, выхода из нынешнего кризиса. Поэтому нельзя создавать никаких угроз и барьеров для будущего роста международной торговли.

Ключевые слова: международная торговля; пандемия коронавируса; глобальные цепочки создания стоимости; глобальный кризис.

Post-Pandemic Effects on International Trade

Evgenii Nikolayevich SMIRNOV,
Doctor of Economic Sciences, Professor; State University of Management (99 Ryazanskiy Prospekt,
Moscow 109542) - Deputy Head of the Department of World Economy and International Economic Relations; E-mail: smirnov_en@mail.ru

Abstract

The article analyzes the consequences and effects of the pandemic on the international trade and focuses on the prospects for exchanges within global value chains, which are undergoing a substantive transformation under the current circumstances. The relationship between the localization of supply chains and the dynamics of international exchanges is assessed. The risk factors to be managed in ensuring sustainability of international trade are identified. The study shows that expansion of the domestic production will result in the trade contraction, but could serve as a powerful determinant of economic growth as it used to be, particularly in overcoming the current crisis. Therefore, no threats and barriers to international trade should be created.

Keywords: international trade; pandemic of coronavirus; global value chains; global crisis.

ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

В настоящее время сложился ряд вызовов с точки зрения трансформации международной торговли, дальнейшее развитие которой будет ключевым вопросом восстановления мировой экономики. Именно от возможностей развития экспортных секторов и восстановления целевых зарубежных рынков зависит, насколько торговля сможет повлиять на восстановление экономики. Поскольку страны тесно взаимосвязаны по каналам международной торговли, то снижение доходов в одной стране ведет к уменьшению ее импорта, которое означает снижение экспорта для торговых партнеров (шок спроса). В свою очередь, возникающие перебои с поставками импортных ресурсов для производства в одну страну ведут к сокращению ее экспорта (зависящего от импорта) в другие страны. Снижение импорта ресурсов будет означать либо переход к импортозамещению (если местные компании производят достойные заменители), либо возникновение дефицита ресурсов, которые ранее импортировались.

В основе сложившейся международной торговли лежит концепция сравнительных преимуществ, однако страны, в стремлении усилить собственную безопасность, будут производить товары, не имея по ним сравнительных преимуществ. Кроме того, увеличение внутреннего производства тех или иных товаров на основе господдержки представляет собой не что иное как импортозамещение, т.е. принимает собой форму скрытого протекционизма. В данном случае отечественные производители будут поставлены в сравнительно лучшие конкурентные условия и справедливость международной торговли уменьшится.

Современная архитектура международной торговли является весьма сложной, и уже с конца 1980-х годов страны встроены в нее в рамках глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС), число которых возросло, усиливая риски для многих стран. Почти все товары, торгуемые в рамках международной торговли, производятся в рамках ГЦСС, а затем реализуются в разных странах. Посредством ГЦСС организуются трансграничные процессы разработки, производства и сбыта большинства повседневно потребляемых товаров и услуг. При этом существует ряд отраслей с многостадийным производством, и на каждом из этапов производства необходимо выявлять слабые звенья в ГЦСС, возможности их оперативной замены. Поэтому справедливо отмечается¹, что ГЦСС создавались без внимания к такому фактору, как их устойчивость, а во главе угла было снижение издержек производства, сделавших ГЦСС зависимыми от одного или нескольких производителей/поставщиков с невысокими издержками. Известная концепция Just in time была нацелена на сокращение разрыва между производством и продажей товаров.

Международная торговля промежуточной продукцией в рамках ГЦСС в большей степени регионализирована, нежели торговля готовой продукцией, и концентрируется вокруг трех основных центров – Азии, Европы и Северной Америки.

Первичный шок спроса нашел свое отражение в том, что изначально произошло снижение доходов Китая, в результате чего снизился объем импорта готовой продукции в эту страну из остальных стран.² Позднее этот шок распространился на Германию, и еще позже – на США, когда Китай уже начал восстановление экономики.

Поскольку в рамках ГЦСС многие промежуточные ресурсы импортируются для дальнейшего производства продукции («импорт для экспорта»³), то в условиях пандемии наблюдается явление, называемое исследователями «заражение цепочки поставок»,⁴ для которого значимой представляет полная зависимость стороны производства одной страны от производства в других странах. Нарушение внутреннего производства обусловлено его зависимостью от иностранных поставок (т.е. от производства за рубежом). По мере усложнения межстрановых производственных сетей, косвенное воздействие становится все более значимым. Например, товары, производимые в США, содержат компоненты, производимые в Китае, которые, в свою очередь, содержат компоненты, производимые в Индонезии и т.д. Китай доминирует в импорте полуфабрикатов для обрабатывающей промышленности, являясь «мировой фабрикой» с центральным местом в глобальной сети производства и торговли. Также важными ключевыми центрами являются Германия, Япония и Южная Корея, перебои в производстве которых могут существенно влиять на мировую экономику в целом.

Нынешний глобальный кризис, связанный с пандемией коронавируса, представляет собой существенный шок с резким спадом международной торговли, ужесточением условий внешнего финансирования, снижением мировых цен на сырье, а также с рядом последствий для счетов текущих операций платежных балансов стран, по которым складывается неоднозначная картина. Так, в частности, уже за пять месяцев 2020 года объем международной торговли товарами снизился на 20% по сравнению с аналогичным периодом 2019 года и в целом за 2020 год ожидается сокращение торговли на 12%. Основным фактором снижения торговли стало падение объемов предложения (производства), но также частично на это снижение играет уменьшение экономической активности в рамках глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС). По международной торговле услугами падение более серьезное, чем ожидалось, поскольку здесь огромную негативную роль сыграли ограничения на поездки.

Пиковый показатель доли мировой торговли в мировом ВВП был достигнут в 2008 году, после того как на протяжении десятилетий мировая торговля росла, однако с 2008 года наблюдается снижение интеграции ГЦСС, а нынешняя пандемия может спровоцировать дальнейшую дезинтеграцию международного обмена, ужесточение торговых ограничений и тенденцию к решорингу (возврату) производств. Уже по состоянию на май 2020 года странами были введены 120 новых ограничений в сфере экспорта, из которых более 1/5 ограничений охватывали ме-

дицинские и фармацевтические товары. В целом, сектора и отрасли, затронутые ограничениями, составили порядка 10% международной торговли, что ограничивает перспективы ее роста.⁵

Сложившаяся архитектура ГЦСС привела к тому, что сегодня, в условиях пандемии, они работают с существенными задержками доставки компонентов или полуфабрикатов, а проблемы устойчивости ГЦСС стали ключевыми. В конце концов, они должны учитывать стихийные бедствия, политические беспорядки, забастовки и прочие форс-мажорные обстоятельства. Кроме того, необходимо принимать во внимание возросшую зависимость всех ГЦСС от Китая, который является лидером по производству многих товаров (эта зависимость обнаружилась, когда Китай ограничил экспорт медицинских масок, создав их ощутимый дефицит на мировом рынке). Китай, по всей видимости, будет использовать указанный нами фактор для реализации собственных интересов во внешнеэкономической политике.

Помимо прочего, важным негативным фактором развития международной торговли выступает сохраняющаяся неопределенность в сфере торговой политики, а именно речь идет о торговом конфликте с США, поскольку большая часть введенных этими странами нетарифных и тарифных барьеров продолжает действовать. При этом ВТО оказалась неспособной повлиять на страны, чтобы они выполняли обязательства, принятые при присоединении к этой организации. Кроме того, поскольку торговые споры постепенно распространяются и на сферу технологий, возникают дополнительные риски для ГЦСС ввиду дифференциации как глобальных цифровых платформ, так и технологических стандартов.

В современных исследованиях часто встречаются предложения о репатриации ГЦСС с целью снижения зависимости от иностранных производителей в условиях кризиса, однако есть также и справедливые точки зрения,⁶ показывающие, что такой подход не совсем верен, поскольку снижение зависимости от зарубежных поставщиков означает рост зависимости от внутренних производителей, которые также испытывают ограничения в период пандемии. Насколько эффективной будет такая ренационализация ГЦСС, зависит от того, планирует ли страна ввести более или менее строгие ограничения, чем ее торговые партнеры. Помимо прочего, если произойдет решоринг производств, то это, несомненно, отразится на эффективности менеджмента в ГЦСС и приведет к снижению ПИИ в развивающиеся страны (это окажет соответствующее влияние на международную торговлю с учетом ее тесных взаимосвязей с ПИИ⁷). В качестве дополнительного риска выступает продолжающаяся эскалация торгового конфликта между Китаем и США.

В настоящее время ряд аналитиков (в частности, Б. Яворчик) обсуждают, насколько локализованные производства в нынешних условиях могут обеспечить устойчивость (безопасность) ГЦСС от сбоев, следствием которых может стать дефицит предложения и, как следствие – неопределенность для компаний и потребителей.⁸ Некоторые страны уже обсуждают стимулы для компаний по перемещению

своей деятельности в ГЦСС, однако эмпирически почти нет количественных оценок выгод и затрат по локализации (или обратном процессе) производств ГЦСС. В одном из исследований была сделана попытка такой количественной оценки с точки зрения безопасности и эффективности ГЦСС.⁹

В недавнем коллективном исследовании оценены экономические последствия шоков спроса и предложения в результате пандемии для 64 стран и показано снижение реального ВВП, которое будет гораздо глубже, если ГЦСС будут ренационализированы.¹⁰ Вместе с тем, также оценивалась и передача ценовых шоков посредством ГЦСС.¹¹ Однако опять же, не было получено ответа на вопрос, каков будет баланс выгод и затрат ГЦСС во время экономических потрясений. Для восполнения данного методического пробела экспертами ОЭСР¹² предложены модели двух «версий» мировой экономики. Первая из них отражает взаимосвязанность экономик путем фрагментации производства в рамках ГЦСС, а также учитывает изменения в результате пандемии (сокращение производительности труда, спроса, предложения, увеличение издержек в международной торговле в результате усложнения таможенных процедур, ограничения на перемещение людей, работающих в сфере услуг). В версии локализации производство ориентируется на внутренний рынок, а потребители и предприятия меньше зависят от зарубежных поставщиков. Локализация предполагает глобальное повышение тарифов на импорт до 25%, а субсидии национальным производителям будут эквивалентны 1% ВВП. Очевидно, это будет стимулировать рост внутреннего производства и снижение зависимости от мировой торговли.

Особо отметим, что исследователями уже проводились аналогии между торговыми эффектами нынешней пандемии и глобальным кризисом 2008-2009 гг., и имеется мнение, что сокращение международной торговли, вызванное пандемией коронавируса, будет большим, чем в период «Великой рецессии». В частности, такого мнения в своих последних трудах придерживается авторитетный исследователь пандемий Р. Болдуин,¹³ утверждая, что кризис 2008 года просто «задушил» спрос на товары, тогда как нынешняя пандемия оказывает «тройной эффект» на международную торговлю посредством: нарушения внутренних поставок; сокращения мирового спроса и так называемого «эффекта заражения» ГЦСС. Некоторые современные исследования¹⁴ изучали роль ГЦСС в распространении экономического шока вследствие пандемии коронавируса в Китае, показывая, что наличие ГЦСС лишь усиливают производственный шок, вызванный эпидемией, а сбои в торговле, занятости и производстве тем выше, чем глубже интеграция в глобальную сеть производства.

Угроза, однако, состоит не только в одновекторных побочных эффектах остановки производства в Китае для зарубежных производителей и потребителей – важную роль играют эффекты обратной связи, усиливающие первоначальный шок и распространяющие его по всей ГЦСС. По мнению экспертов, вследствие заражения ГЦСС формируется некоторый порочный круг, в котором связанность с

Китаем не только снижает благосостояние зарубежных стран, но и носит негативные последствия для самого Китая посредством нарушения работы зарубежных поставщиков промежуточных ресурсов для китайского экспорта. Результатом этого являются так называемые «запаздывающие волны сбоев»¹⁵ в международной торговле, вновь пронизывающие ГЦСС.

Для многих ГЦСС Китай стал центральным звеном, и за последнее десятилетие зависимость многих ГЦСС от промежуточных ресурсов из Китая многократно возросла. С учетом быстрого роста зависимости ГЦСС от Китая, усиливается зависимость и международной торговли от Китая. Однако негативное влияние шоков на китайский экспорт может быть запаздывающим: изначально ключевое влияние на него оказывает шок международного спроса, далее – эффект заражения ГЦСС и, наконец, шок предложения. В следующей таблице представлены прогнозируемые уровни динамики экспорта, полученные исследователями на основе регрессионного анализа.¹⁶

Таблица 1

Совокупный эффект пандемии коронавируса и вклад отдельных шоков в экспорт Китая

Время воздействия	Прогнозируемое изменение экспорта, %	Относительный вклад отдельных шоков, %		
		Шок предложения	Шок спроса	Эффект «заражения» ГЦСС
	(1)	(2)	(3)	(4)
Немедленное	-38,7	13,0	49,8	37,2
Первый лаг	-23,7	29,0	3,4	67,6
Второй лаг	9,6	27,3	106,3	-33,5
Третий лаг	6,8	59,7	36,6	3,8
Агрегированное чистое воздействие	-46,0	11,4	16,0	72,5

Примечание: (1) – прогнозируемые изменения в экспорте Китая по сравнению с ситуацией без воздействия пандемии коронавируса; (2), (3), (4) – относительный вклад шоков внутреннего предложения, внешнего спроса и воздействия ГЦСС на прогнозируемую динамику экспорта.

Источники: Friedt F. (2021). The triple effect of COVID-19 on Chinese exports: GVC contagion effects dominate export supply and import demand shocks. *VoxEU*, January 17. URL: <https://voxeu.org/article/triple-effect-covid-19-chinese-exports> (дата обращения: 17.01.2021); Friedt F., Zhang K. (2020). The Triple Effect of Covid-19 on Chinese Exports: First Evidence of the Export Supply, Import Demand & GVC Contagion Effects. *Covid Economics*, Vol. 53, pp. 72-109.

Таким образом, преобладание воздействия со стороны ГЦСС отличает текущую рецессию от Великого торгового коллапса 2008-2009 гг., когда основным фактором было падение мирового спроса вследствие глобального кризиса.¹⁷ Нынешние оценки показывают, что в нынешних условиях изначально ключевой детерминан-

той стало беспрецедентное нарушение ГЦСС, а уже позднее – шок со стороны спроса. В связи с этим, рекомендации по преодолению негативных последствий пандемии для международной торговли должны быть совершенно иными, и их необходимо, помимо стимулирования спроса, акцентировать на вопросах зависимости от ГЦСС и их устойчивости. Уже имеется много исследований о том, что мир вступил в эпоху деглобализации, однако это не единственно верное решение, поскольку, снижая международную зависимость от ГЦСС, мы отказываемся от полученной в рамках них эффективности. Поэтому правительствам необходимо сосредоточиться на вопросах устойчивости ГЦСС.

Фридт Ф. показывает, что есть отрасли, в наибольшей степени уязвимые в контексте эффектов заражения ГЦСС, и эта уязвимость, помимо сложности производственного процесса в некоторых отраслях, частично возникает ввиду неравномерного распределения зависимости между зарубежными поставщиками. Автор делает вывод о том, что для усиления устойчивости ГЦСС необходимо расширение, а не разрыв международных производственных и торговых отношений, а также стимулирование развития более диверсифицированных ГЦСС.¹⁸

При этом идея локализации ГЦСС также не всегда будет удачной, поскольку при режиме локализации невозможно избежать указанного «шока цепочки поставок». Локализованный режим будет больше уязвим к потрясениям, а доходы и экономическая активность при таком режиме снизятся. Кроме того, внутренние шоки будут в большей степени оказывать влияние на страну происхождения, чем внешние, и смягчить воздействие этих шоков будет сложнее ввиду отсутствия внешней торговли. Более того, не все этапы производства даже в локализованном режиме можно осуществить внутри страны, поэтому она будет прибегать к международной торговле промежуточной продукцией. В свою очередь, при локализации источников поставок будет меньше, и часто они будут дорогими, поэтому если в ГЦСС произойдет сбой, то заменители найти будет сложнее, и риск ненадежности поставок возрастет (это играет особую важную роль для таких важных отраслей, как производство электроники, автомобилей, фармацевтических товаров и продовольствия). Имеющиеся оценки подтверждают, что переход к локализованному режиму снизит реальный мировой ВВП на 5% по сравнению с обычным режимом.¹⁹ Поэтому режим локализации не обеспечит ни большей надежности, ни эффективности поставок.

Экспертами ОЭСР²⁰ был проведен анализ ГЦСС по производству масок, который показал, что их производство связано со многими ресурсами, хотя само производство не высокотехнологично. Однако локализация такого производства будет требовать больших инвестиций, даже в периоды сокращения спроса и снижения конкурентоспособности производства. Поэтому при имеющемся технологическом уровне стране дороги и невыгодны производственные мощности, соответствующие резким скачкам спроса в период кризиса. Другое исследование ОЭСР²¹ оценивает взаимозависимость стран в международной торговле товарами и показывает,

что ни одна страна не способна эффективно произвести весь спектр товаров, которые необходимы для противодействия пандемии (т.е. имеет специализация стран на производстве определенных медицинских товаров). В целом, локализация является дорогостоящей для развитых и почти невозможной для развивающихся стран. Поэтому решение проблем поставок в рамках ГЦСС возможно решать путем формирования стратегических запасов и создания специальных соглашений между компаниями на случай кризисов, а также мер по поддержке развития международной торговли.

В целом, в результате влияния пандемии коронавируса в ближайшие годы мы ожидаем существенного замедления международной торговли, а за 2020 год она уже снизилась до значений 2009 года, хотя в текущем кризисе активность снижалась гораздо сильнее. В текущей рецессии особо выраженное снижение испытали так называемые «контактные» сектора (например, международная торговля туристическими услугами). В то же время меньшее снижение испытывает торговля продукцией обрабатывающей промышленности, которая в периоды ранних рецессий сокращалась быстрее других отраслей, отражая падение спроса на инвестиционные и потребительские товары длительного пользования. Авторитетные источники²² отмечают, что сокращение международной торговли детерминировано слабым конечным спросом в условиях синхронизированного глобального спада, при этом торговые ограничения и сбои в ГЦСС здесь играют ограниченное влияние.

Эксперты МВФ ожидают прирост мировой торговли в 2021 году в размере 8% и около 4% – в последующие несколько лет. В частности, такое замедление темпов прироста объясняется желанием производителей вернуть некоторые звенья ГЦСС в страну своего происхождения, чтобы снизить риск зависимости от иностранных поставщиков. Это подтверждается тем, что доля вывоза прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в мировом ВВП за 2020 год – самая низкая за последнее десятилетие. В целом, в зависимости от структуры внешней торговли стран, влияние пандемии на их экспорт и импорт оказалось неравнозначным. Так, в наибольшей степени пострадали, например, страны, во внешней торговле которых значимую роль играют международные туристские прибытия.

Известные прогнозы снижения мировой торговли в 2020 году были связаны со снижением экономической активности. Историческая взаимосвязь между совокупным спросом и международной торговлей полностью объясняет спад международного обмена. В международной торговле сокращение более серьезное, и оно уже в меньшей степени связано с падением совокупного спроса (здесь большую роль играет фактор ограничений на поездки). По прогнозу, сделанному МВФ в середине 2020 года, снижение международной торговли должно было составить 12%, что сопоставимо с глобальным кризисом 2008-2009 гг.

Текущий кризис снизил экономическую активность, совокупное предложение и спрос, и особенно ярко снижение экономической активности проявляется в сфере услуг.²³ Для того чтобы ответить на вопрос, насколько связаны слабость торговли и экономическая активность, необходимо оценить взаимосвязи между совокупным спросом и торговлей в период до 2019 года. При оценке внешнеторговых отношений в качестве показателя совокупного спроса традиционно используется ВВП, однако в соответствии с некоторыми методиками (например Ш. Сандоз²⁴) используется показатель совокупного спроса, который скорректирован на интенсивность импорта и представляющий собой средневзвешенное значение компонентов совокупного спроса, где веса – это импортная составляющая каждого компонента, рассчитанная на основе таблиц «затраты-выпуск» (национальные счета). Снижение ВВП ведет к большему сокращению торговли, если оно обусловлено компонентом, «богатым» импортом (инвестициями), чем компонентом, «менее богатым» импортом (частным потреблением). Отметим, что текущий кризис характеризуется более глубоким снижением потребления, чем кризис 2008-2009 гг.

На основе показателя совокупного спроса была оценена его историческая взаимосвязь с торговлей (измеряется объемом импорта) для 33 стран в 1998-2019 гг. Уравнение выглядит следующим образом:

$$\Delta \ln M_{c,t} = \delta_c + \beta_D \Delta \ln D_{c,t} + \beta_P \Delta \ln P_{c,t} + \varepsilon_{c,t}$$

где Δ обозначает первую разность, δ_c – фиктивные переменные страны, $D_{c,t}$ – совокупный спрос, а $P_{c,t}$ – относительная цена импорта.

Результаты проведенных оценок подтвердили, что использование показателя совокупного спроса с поправкой на интенсивность импорта для оценки уравнений торговли обеспечивает лучшее соответствие, чем использование ВВП, в том числе во время рецессий. Проведенный исследователями анализ также указал на то, что есть определенные риски для роста международной торговли в перспективе, что уже подтверждалось в условиях предыдущего глобального кризиса, когда на торговле отрицательно сказывался растущий протекционизм. Поэтому рост барьеров в международной торговле, равно как и отход стран от трансграничной интеграции в перспективе могут отрицательно сказаться на международном обмене.

Важным аспектом нашего анализа также стала оценка взаимосвязи динамики цен и состояния международной торговли в условиях пандемии. В целом в мире показатели инфляционных ожиданий пока не указывают на очевидную сложившуюся тенденцию к росту инфляции, хотя имеются доказательства роста дисперсии ожидаемой инфляции.²⁵ Вводимые локдауны, безусловно, влияют на предложение, спрос и, соответственно, цены определенных товаров. Причинами краткосрочного роста цен в этой ситуации могут быть: повышенный спрос на предметы первой необходимости; возросший дефицит труда мигрантов, используемых в производстве,

например, сельскохозяйственных товаров, и рост цен на них; удорожание импортных товаров (перенос инфляции из-за рубежа), что особенно характерно для развивающихся стран; склонность стран к созданию запасов определенных товаров и ограничение их экспорта, что нарушает равновесие в международной торговле и ведет к росту цен (уже к концу апреля 2020 года ВТО отмечала запреты и ограничения на экспорт, введенные 80 странами в отношении медицинских масок, аппаратов ИВЛ, продуктов питания и пр.).

В качестве следующей детерминанты мы выделяем пресловутые перебои в поставках, когда дефицит товаров при всплеске спроса может создать инфляционное давление. Однако замедление поставок означает и замедление (и даже закрытие) многих производств, что будет вести к снижению доходов, росту безработицы (оно уменьшает вероятность интенсивного роста оплаты труда) и восстановление спроса ослабится. Поэтому, скорее всего, на этапе снятия ограничений инфляционное давление будет невысоким.

Открытость международной торговли также отражается на инфляции, поскольку длительные сбои в ГЦСС могут иметь инфляционный эффект за счет, например, роли Китая. Однако, если у страны есть сложившаяся зависимость от экспорта, то застой внешнего спроса на ее экспорт будет вести к уменьшению как доходов, так и внутренних расходов, и это уже будет чисто дефляционный эффект. В свою очередь, репатриация (или деглобализация) ГЦСС усилит взаимосвязь между инфляцией и экономическим спадом, чего почти не наблюдалось в последнее десятилетие.

В целом, мы видим, что в условиях пандемии международная торговля и ГЦСС стали больше уязвимыми, поэтому необходимо решать такие задачи, как налаживание внутреннего производства (увеличение «домашней» добавленной стоимости в ГЦСС), диверсификация числа поставщиков в ГЦСС и накопление запасов. К последнему, между прочим, необходимо относиться с достаточной степенью осторожности, потому что с учетом быстрого распространения цифровых технологий многие компоненты и полуфабрикаты могут устаревать. Мы отмечаем, что в последние годы именно по этой причине мировое автомобилестроение и производство электроники стремились, напротив, к сокращению запасов, что было обусловлено быстрой сменой технологий и даже поколений технологий. Необходим взвешенный подход к промышленной политике государств, который не должен быть направлен на возврат к протекционизму. Накопление запасов, вместе с тем, уже имеет место в практике отдельных стран (например, по нефти, газу) за счет внутреннего производства или импорта, однако это почти не имеет места в высокотехнологичных отраслях. Кроме того, эти запасы могут оказаться непригодными или невостребованными в дальнейшем применении. В современных условиях трудно предсказать, какие и в каком объеме запасы будут необходимы.

Возможно, в качестве способа управления указанными рисками в рамках национальной промышленной политики странам необходимо обозначить критически важные товары (например, медицинское оборудование), которое будет строго производиться внутри страны в определенных объемах, что снизит зависимость страны от зарубежных, неподконтрольных ей источников. Однако такая переориентация будет, несомненно, высокочатратной для государства, усиление роли которого в экономике может вести к росту коррупции, либо эта переориентация будет компенсирована за счет потребителей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Haass R. (2020). Supply Chains and Demand. Project Syndicate, December 10. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/managing-supply-chain-risks-without-undermining-growth-by-richard-haass-2020-12> (дата обращения: 05.01.2021).

² Савинов Ю.А., Кириллов В.Н., Тарановская Е.В. Срочно в номер: влияние китайского коронавируса на мировую экономику и торговлю // *Международная экономика*. 2020. № 2. С. 63-71.

³ Baldwin R., Lopez-Gonzalez J. (2012). Supply-chain trade: A portrait of global patterns and several testable hypotheses, NBER Working Paper, No. 18957, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA, 62 p.

⁴ Baldwin R., Mauro W.B. (2020). Economics in the Time of COVID-19. VoxEU eBook, CEPR Press, London, p. 60.

⁵ IMF (2020). External Sector Report: Global Imbalances and the COVID-19 Crisis. International Monetary Fund, Wash., DC, October, p. 18.

⁶ Bonadio B., Huo Z., Levchenko A.A., Pandalai-Nayar N. (2020). Global Supply Chains in the Pandemic. NBER Working Paper 27224, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA, pp. 2, 27.

⁷ Драпкин И.М., Лукьянов С.А., Грозных Р.И. Прямые иностранные инвестиции и международная торговля: эмпирический анализ причинно-следственных связей // *Journal of Applied Economic Research*. 2020. Т. 19. № 4. С. 441-457.

⁸ Javorcik B. (2020). Global supply chains will not be the same in the post-COVID-19 world / in: Baldwin R., Evenett S. (eds) (2020). COVID-19 and Trade Policy: Why Turning Inward Won't Work, VoxEU.org eBook, CEPR Press, London, 187 p. – pp. 111-116.

⁹ Arriola C., Kowalski P., Van Tongeren F. (2020). Localising value chains in the post-COVID world would add to the economic losses and make domestic economies more vulnerable. VoxEU, November 15. URL: <https://voxeu.org/article/localising-value-chains-after-covid-would-add-economic-losses-and-make-domestic-economies-more-vulnerable> (дата обращения: 16.01.2021).

¹⁰ Bonadio B., Huo Z., Levchenko A.A., Pandalai-Nayar N. (2020). Global Supply Chains in the Pandemic. NBER Working Paper 27224, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA, 53 p.

¹¹ Camatte H., Daudin G., Faubert V., Lalliard A. (2020), Global value chains and the transmission of price shocks, Banque de France Working Paper No797, 45 p.

¹² OECD (2020). Shocks, risks and global value chains: insights from the OECD METRO model. OECD, Paris, 29 June, 16 p.

¹³ Baldwin R. (2020). The greater trade collapse of 2020: Learnings from the 2008-09 great trade collapse. VoxEU, April 07. URL: <https://voxeu.org/article/greater-trade-collapse-2020> (дата обращения: 18.01.2021); Baldwin R. (2020). Supply chain contagion waves: Thinking ahead on manufacturing 'contagion and reinfection' from the COVID concussion. VoxEU, April 01. URL: <https://voxeu.org/article/covid-concussion-and-supply-chain-contagion-waves> (дата обращения: 14.01.2021); Baldwin R., Mauro W.B. (2020). Economics in the Time of COVID-19. VoxEU eBook, CEPR Press, London, 116 p.

¹⁴ Sforza A., Steininger M. (2020). Globalization in the time of Covid-19. CESifo Working Paper No. 8184, May, Munich, 52 p.; Eppinger P. et al. (2020). Covid-19 shocking global value chains. CESifo Working Paper No. 8572, September, Munich, 36 p.; Meier M., Pinto E. (2020). Covid-19 supply chain disruptions. Discussion Paper No. 239, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn - Universität Mannheim, November, 34 p.

¹⁵ Friedt F. (2021). The triple effect of COVID-19 on Chinese exports: GVC contagion effects dominate export supply and import demand shocks. VoxEU, January 17. URL: <https://voxeu.org/article/triple-effect-covid-19-chinese-exports> (дата обращения: 17.01.2021).

¹⁶ Friedt F., Zhang K. (2020). The Triple Effect of Covid-19 on Chinese Exports: First Evidence of the Export Supply, Import Demand & GVC Contagion Effects. Covid Economics, Vol. 53, pp. 72-109.

¹⁷ Benguria F., Taylor A.M. (2020), After the panic: Are financial crises demand or supply shocks? Evidence from international trade. American Economic Review: Insights, Vol. 2(4), pp. 509-526.

¹⁸ Friedt F. (2021). The triple effect of COVID-19 on Chinese exports: GVC contagion effects dominate export supply and import demand shocks. VoxEU, January 17. URL: <https://voxeu.org/article/triple-effect-covid-19-chinese-exports> (дата обращения: 17.01.2021).

¹⁹ Arriola C., Kowalski P., Van Tongeren F. (2020). Localising value chains in the post-COVID world would add to the economic losses and make domestic economies more vulnerable. VoxEU, November 15. URL: <https://voxeu.org/article/localising-value-chains-after-covid-would-add-economic-losses-and-make-domestic-economies-more-vulnerable> (дата обращения: 16.01.2021).

²⁰ OECD (2020). The face mask global value chain in the COVID-19 outbreak: Evidence and policy lessons. OECD, Paris, 04 May, 11 p.

²¹ OECD (2020). Trade interdependencies in Covid-19 goods. OECD, Paris, 05 May, 16 p.

²² IMF (2020). External Sector Report: Global Imbalances and the COVID-19 Crisis. International Monetary Fund, Wash., DC, October, p. 31.

²³ Guerrieri V. et al. (2020). Macroeconomic Implications of COVID-19: Can Negative Supply Shocks Cause Demand Shortages? University of Chicago, Becker Friedman Institute for Economics Working Paper 2020-35, Chicago, IL, 53 p.

²⁴ IMF (2020). External Sector Report: Global Imbalances and the COVID-19 Crisis. International Monetary Fund, Wash., DC, October, p. 31.

²⁵ Ebrahimi E., Igan D., Peria S.M. (2020). The Impact of COVID-19 on Inflation: Potential Drivers and Dynamics. Special Series on COVID-19, International Monetary Fund, Wash., DC, p. 1.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Драпкин И.М., Лукьянов С.А., Грозных Р.И. Прямые иностранные инвестиции и международная торговля: эмпирический анализ причинно-следственных связей // Journal of Applied Economic Research. 2020. Т. 19. № 4. С. 441-457 (Drapkin I.M., Luk'yanov S.A., Grozny'x R.I. Pryamy'e inostranny'e investicii i mezhdunarodnaya trgovlya: e'mpiricheskij analiz prichinno-sledstvenny'x svyazej // Journal of Applied Economic Research. 2020. Т. 19. № 4. S. 441-457).

Савинов Ю.А., Кириллов В.Н., Тарановская Е.В. Срочно в номер: влияние китайского коронавируса на мировую экономику и торговлю // Международная экономика. 2020. № 2. С. 63-71 (Savinov Yu.A., Kirillov V.N., Taranovskaya E.V. Srochno v nomer: vliyanie kitajского koronavirusa na mirovuyu e'konomiku i trgovlyu // Mezhdunarodnaya e'konomika. 2020. № 2. S. 63-71).

Arriola C., Kowalski P., Van Tongeren F. (2020). Localising value chains in the post-COVID world would add to the economic losses and make domestic economies more vulnerable. VoxEU, November 15. URL: <https://voxeu.org/article/localising-value-chains-after-covid-would-add-economic-losses-and-make-domestic-economies-more-vulnerable> (дата обращения: 16.01.2021).

Baldwin R. (2020). Supply chain contagion waves: Thinking ahead on manufacturing 'contagion and reinfection' from the COVID concussion. VoxEU, April 01. URL: <https://voxeu.org/article/covid-concussion-and-supply-chain-contagion-waves> (дата обращения: 14.01.2021).

Baldwin R. (2020). The greater trade collapse of 2020: Learnings from the 2008-09 great trade collapse. VoxEU, April 07. URL: <https://voxeu.org/article/greater-trade-collapse-2020> (дата обращения: 18.01.2021).

Baldwin R., Lopez-Gonzalez J. (2012). Supply-chain trade: A portrait of global patterns and several testable hypotheses, NBER Working Paper, No. 18957, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA, 62 p.

Baldwin R., Mauro W.B. (2020). Economics in the Time of COVID-19. VoxEU eBook, CEPR Press, London, 116 p.

Benguria F., Taylor A.M. (2020), After the panic: Are financial crises demand or supply shocks? Evidence from international trade. American Economic Review: Insights, Vol. 2(4), pp. 509-526.

Bonadio B., Huo Z., Levchenko A.A., Pandalai-Nayar N. (2020). Global Supply Chains in the Pandemic. NBER Working Paper 27224, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA, 53 p.

Camatte H., Daudin G., Faubert V., Lalliard A. (2020), Global value chains and the transmission of price shocks, Banque de France Working Paper No797, 45 p.

Ebrahimy E., Igan D., Peria S.M. (2020). The Impact of COVID-19 on Inflation: Potential Drivers and Dynamics. Special Series on COVID-19, International Monetary Fund, Wash., DC, 14 p.

Eppinger P. et al. (2020). Covid-19 shocking global value chains. CESifo Working Paper No. 8572, December, Munich, 36 p.

Friedt F. (2021). The triple effect of COVID-19 on Chinese exports: GVC contagion effects dominate export supply and import demand shocks. VoxEU, January 17. URL: <https://voxeu.org/article/triple-effect-covid-19-chinese-exports> (дата обращения: 17.01.2021).

Friedt F., Zhang K. (2020). The Triple Effect of Covid-19 on Chinese Exports: First Evidence of the Export Supply, Import Demand & GVC Contagion Effects. *Covid Economics*, Vol. 53, pp. 72-109.

Guerrieri V. et al. (2020). Macroeconomic Implications of COVID-19: Can Negative Supply Shocks Cause Demand Shortages? University of Chicago, Becker Friedman Institute for Economics Working Paper 2020–35, Chicago, IL, 53 p.

Haass R. (2020). Supply Chains and Demand. Project Syndicate, December 10. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/managing-supply-chain-risks-without-undermining-growth-by-richard-haass-2020-12> (дата обращения: 05.01.2021).

IMF (2020). External Sector Report: Global Imbalances and the COVID-19 Crisis. International Monetary Fund, Wash., DC, October, 98 p.

Javorcik B. (2020). Global supply chains will not be the same in the post-COVID-19 world / in: Balwin R., Evenett S. (eds) (2020). COVID-19 and Trade Policy: Why Turning Inward Won't Work, VoxEU.org eBook, CEPR Press, London, 187 p. – pp. 111-116.

Meier M., Pinto E. (2020). Covid-19 supply chain disruptions. Discussion Paper No. 239, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn - Universität Mannheim, November, 34 p.

OECD (2020). Shocks, risks and global value chains: insights from the OECD METRO model. OECD, Paris, 29 June, 16 p.

OECD (2020). The face mask global value chain in the COVID-19 outbreak: Evidence and policy lessons. OECD, Paris, 04 May, 11 p.

OECD (2020). Trade interdependencies in Covid-19 goods. OECD, Paris, 05 May, 16 p.

Sforza A., Steininger M. (2020). Globalization in the time of Covid-19. CESifo Working Paper No. 8184, May, Munich, 52 p.

